

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФИЛОСОФИИ Т. ГОББСА

Цанав аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
Бачуки (199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9).
Зурабиевич E-mail: tsanova.bach@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются современные подходы к интерпретации философских текстов и особенно к интерпретации политической философии Т. Гоббса. Автор выделяет два ключевых подхода к интерпретациям текстов: логико-философский и историко-лингвистический. Под первым понимаются методологии, в рамках которых предпринимается логическая реконструкция учения либо путем изучения идей - единиц методологией истории идей А. Лавджоя или прочтение классических текстов в особой манере Л. Штрауса в поисках скрытой доктрины. Историко-лингвистический подход объединяет методологии, возникшие в политической науке в период «лингвистического поворота»: в рамках этих подходов предполагается реконструкция либо контекста появления учения, либо реконструкция смыслов понятий, используемых учением. Философия Гоббса была объектом изучения для представителей как первого, так и второго подхода. Автор приходит к выводу, что современная интерпретация текстов Гоббса должна быть основана на интегральной методологии, объединяющие элементы обоих подходов.

Ключевые слова: *Томас Гоббс, учение о Левиафане, история идей, интеллектуальная история, концептуальная история, политическая философия, интерпретация текстов, политическое учение, политическая наука.*

В современной политической философии можно выделить историко-лингвистический и логико-философский подходы к интерпретации философских текстов. Первый подход основан на том, что исследователь рассматривает политическое учение как текст, созданный передавать и аргументировать определенные идеи в семантическом контексте, в то время как исследователи второго мыслят учение как совокупность идей и истин. Сторонники историко-лингвистического подхода, являясь достойными наследниками лингвистического поворота, смотрят на политическое учение через определенную языковую парадигму, понимание которой зависит от методологических установок различных исследовательских школ.

Стоит отметить, что также существуют иные подходы к интерпретации текстов разработанные в рамках герменевтики, постструктурализма и постмодернизма, тем не менее они в данной статье не рассмотрены в силу их научной неоднозначности, а в случае последних двух из-за их глубокого скептицизма по отношению к проекту традиционной интерпретации текстов исследователями в области гуманитарных наук [7, p. 90].

В рамках историко-лингвистической парадигмы большую исследовательскую ценность, представляют различные «национальные» варианты исторической семантики, в особенности Кембриджская школа интеллектуальной истории во всем ее многообразии подходов. Сторонники логико-философского подхода, в первую очередь, стремятся к пониманию внутреннего логического смысла, который заключен в тексте или в текстах. Такой подход совмещает как монографическое изучение идей одного автора, так и диахронный анализ сходных идей целой группы авторов, имплицитно или эксплицитно относя их к одной идейной традиции или порождая определенный «изм». Более того, такой подход позволяет некоторым авторам утверждать спорный тезис о наличии скрытой доктрины в трудах философов или философа. В рамках этого подхода мы проанализируем подходы Л. Штрауса и А. Лавджоя.

Программа исследования истории идей А. Лавджоя заключается в ином взгляде на классическую историю философии. «Обращаясь к истории философских доктрин, она проникает в застывшие и незыблемые системы и, в своих собственных целях, делит их на исходные элементы, на то, что может быть названо элементарными идеями, идеями-единицами (unit-ideas)» [4, с. 9]. Лавджой акцентирует внимание на конфигурацию этих идей в разных учениях, рассматривая их как цельные диахронные элементы философских доктрин, в которых за текстовым фасадом скрываются логические или псевдо логические и аффективные привычки. Историк идей, по Лавджою, должен обращать внимание на идеи, которые принимаются за само собой разумеющиеся, на доминирующие диалектические мотивы, от которых зависят метафизические предпосылки мышления,

различные виды метафизического пафоса и философская семантика неоднозначности наиболее важных понятий учения или периода времени.

Самым важным в этой методологии с точки зрения нашего исследования является то, что благодаря ей открывается возможность посмотреть на доктрины отдельно взятых мыслителей, в учениях которых встречаются сходные идеи-единицы, как на темпорально разделенные идейные конструкции, имеющие совокупность общих понятийных элементов, но отражающих иные интеллектуальные и социально-политические контексты. Это позволит реконструировать конфигурацию идей-единиц на широких исторических пластах, и разрешит говорить об определенной традиции мысли и ее имманентной эволюции.

По замечанию Лавджоя, «обращаясь к целой серии вероучений и течений, объединяемых одним именем, как и в каждом из них по отдельности, необходимо проникнуть по ту сторону видимой цельности и тождественности, дабы за скорлупой удерживающей ее как целое, увидеть подлинное единство, рассмотреть представления в каждом конкретном случае действительно движущие идеи» [4, с. 12]. Однако этот подход исследует лишь динамику и изменение идей-единиц, принимая само собой разумеющимся статичность языковых понятий.

Манера интерпретации текстов Л. Штрауса лишь до известной степени может быть названа программой исследования или методологией. Это связано с развиваемым им учением об эзотерической манере письма и прочтения философских текстов. Он начинает развивать свою мысль, с тезиса, что свобода публичных дискуссий подавлена и заменена принуждением, настраивающим весь публичный дискурс на взгляды, которые правительство одобряет [10, р. 22]. В свою очередь, возникает проблема с той группой людей, которые могут мыслить независимо и свободно, несмотря на подавление. Более того, Штраус полагает, что свободномыслящий человек, «действуя с осмотрительностью, может публично высказывать свои взгляды и оставаться невредимым. Он может даже выразить их письменно, не подвергаясь опасности, если он умеет писать между строк» [10, р. 24]. Таким образом, страх перед преследованием со стороны государственной и общественной ортодоксии порождает особую манеру письма и литературы.

Штраус принимает за аксиому о возможности подобной коммуникации между свободномыслящими людьми следующее утверждение: «не думающие люди – невнимательные читатели, а думающие люди – внимательные читатели», и заключает: «автор, который хочет обратиться только к мыслящим людям, должен писать таким образом, что смысл его книги мог бы быть понят только очень внимательным читателем» [10, р. 25]. Эти предположение, по мнению Штрауса, базируется на «связи между поиском истины (философия или наука) и обществом; Философия или наука – наивысшие занятия человека – являются попыткой заменить убеждение о «всех вещах» знанием «всех вещей»; однако убеждения – это элемент общества; поэтому философия или наука это попытка разложить элемент, которым общество дышит, и поэтому эта попытка подвергает общество опасности. Поэтому философия или наука должны оставаться у меньшинства, а философы и ученые должны уважать убеждения, на которых опирается общество» [9, р. 64].

Таким образом, правильное понимание значения текстов доступно лишь немногим, тем, кто может сквозь написанные слова увидеть истину. А сама истина является единственной, и ее публично не высказывает ни один достойный человек потому, что она может задеть большинство, а задетые естественно склонны задевать тех, кто высказывал неприятные истины [10, р. 36].

В этой связи, особый интерес для интерпретации Гоббса представляет оговорка Штрауса, что существует историческая корреляция между преследованием и письмом: во-первых, обсуждаемая книга должна быть написана в эпоху преследования, и, во-вторых, если автор, обладающий здравым рассудком и превосходным знанием ортодоксии, как бы мимоходом противоречит их предпосылкам или следствиям, которые он до этого эксплицитно признал, то можно признать отвержение им ортодоксальной системы в целом [10 р. 32].

В случае Гоббса, творчество которого как раз приходится на период гражданских потрясений и преследований, а также учитывая уникальность его мышления по сравнению с современниками, этот посыл представляется довольно интересным, учитывая то, что Штраус, оговорив, что для такой интерпретации пригодны скорее классические тексты, специально акцентирует внимание на Гоббсе, касаясь философов середины XVII в., которые стремились положить конец идейным преследованиям [10, р. 33].

Тем не менее, в позиции Штрауса существуют значительные изъяны. Во-первых, его учение об эзотерическом письме и манере читать находится в остром противоречии с любой попыткой интерпретации с опорой на исторический контекст – при таком понимании история не только не даст правильного понимания текста, но и может быть источником неправильных прочтений.

Во-вторых, замыкая интерпретацию на самом себе, ученый не в силах удержаться от соблазна привнести в текст предрассудки и логические привычки своего времени, а также последующие идеологические аберрации, что не повысит качество объективности исследования.

В-третьих, оговорка о существовании некоей тайной доктрины не дает никаких точных методологических указаний, что признает и сам Штраус, отвечая на похожий упрек следующими словами: «это сомнение вполне оправдано, прежде всего, для любого исследования: не существует метода, который мог бы быть неправильно понят или использован» [9, р. 66]. Как следствие, такой подход оставляет интерпретатору больше надежду на то, что он один из «избранных», кто может распознать истинный смысл между строк, чем пригодную программу для исследования. И действительно, в этом смысле само приобщение к группе «свободномыслящих» выглядит как акт принятия парадигмы «друг-враг». Соответственно «врагом» является тот, кто рассматривает политику и тексты прошлого не аутентично, но с некими историцистскими намерениями [3, с. 337].

Подводя итог, стоит сказать, что, судя по всему, перед Штраусом не стояла задача осуществление более точной интерпретации. Скорее его манера интерпретации была выдумана, чтобы возбудить интерес к политической философии, учитывая, открытую неприязнь Штрауса к истории и политической науке. Например, он пишет: «историки рано или поздно будут вынуждены оставить самодовольство, с которым они заявляют о знании того, что именно думали многие мыслители, чтобы признать, что мысль прошлого гораздо более загадочна, чем сейчас считают, и начать задаваться вопросом: действительно ли доступ к исторической истине не такой сложный как к философской [9, р. 75]. Однако нельзя не признать противоречивость и неоднозначность его идеи, не говоря уже о том, что в силу развиваемой им доктрины об эзотерическом письме и тайной учении само наследие Штрауса подозревается в возможном эзотерическом толковании.

Одним из ключевых направлений в рамках историко-лингвистического подхода является Кембриджская школа. В первую очередь, стоит отметить ее отличие от немецкого варианта понятийной семантики. По замечанию М. Рихтера различие между английским и немецким подходами к исторической семантике основано на том факте, что они уходят корнями в разные совокупности национального политического опыта и практик, также как и их разные традиции написания истории, философии, истории философии и философии истории [6, р. 125]. Тем не менее, они разделяют общее стремление к исторической точности интерпретаций; более объективному пониманию взаимосвязей между текстом и историческим контекстом.

В рамках Кембриджской школы выделяют два основных направления, возглавляемые К. Скиннером и Дж. Пококом. Общей методологической посылкой для них несмотря на их разную интерпретацию лингвистического поворота, является понимание необходимости контекстуализации исследуемых текстов, поскольку тексты, программы, доказательства существуют и функционируют не сами по себе, а только в связи со смысловыми структурами [1, с. 13]. Нельзя понять текст, не изучив лингвистический контекст. Ориентация этих подходов на лингвистические уровни, анализ тезисов которых открывает их верифицируемость, позволяет им претендовать на звание логики научного открытия.

Внутри Кембриджской школы выделяют контекстуалистов и конвенционалистов: первые «вдохновленные Пококом и утверждающие, что смысл текста вытекает из парадигмы или языка, которому он принадлежит; и последние вдохновленные Скиннером, настаивающим на том, что для понимания текста мы должны поместить его в контекст современных ему условностей и споров» [2, с. 115]. При этом контекстуалисты настаивают на том, что для интерпретации неважна личность автора. «Покок позволяет авторам прокрадываться на историческую сцену, но лишь для того, чтобы затем свести их роль к роли рупора парадигм, задающих концептуальные рамки писания текстов» [2, с. 117].

Историк – согласно Пококу – «должен подходить к истории политической мысли общества, наблюдая, во-первых, за тем, какой существовал модус критики и защиты легитимности политического поведения, за символами или принципами, к которым они ссылались, и в каком языке и какими формами аргументов они стремились достичь своей цели» [5, р. 16]. Ключевым в данном подходе является то, что история политических идей, история политической мысли, взятую как активность, может быть очень удобно рассмотрена как история политического языка или языков [5, р. 26].

Таким образом, смыслы текстов, закладываемые их авторами, зависят от образов мышления, которые существовали в их обществах. И то, что они могут сказать зависит «от теоретических структур, к которым им предоставляют доступ их сообщества» [2, с. 116]. Эти структуры, которые обобщенно именуется дискурсом, и являются главным объектом анализа контекстуалистов. Подобная позиция рассмотрения политического текста как элемента нечто тотального и гораздо

более протяженного лингвистического пласта интеллектуальной истории будет крайне полезна для нашего исследования.

Конвенционалисты в свою очередь базируют свой подход на том, что исследование должно начинаться с «выяснения значения и, следовательно, тематики, высказываний, в которых мы заинтересованы, а затем обратиться к дискуссионному контексту их возникновения, чтобы определить, как именно они связываются или относятся к остальным высказываниям по этой же тематике. Если мы преуспеем в распознавании контекста с достаточной аккуратностью, то, в конце концов, сможем прочесть, что писатель или говорящий, в котором мы заинтересованы, делал, произнося это высказывание» [8, р. 116].

Истинный смысл текста, таким образом, может быть найден в анализе взаимодействия авторского текста и его идейного контекста. Иначе говоря, «мы должны ухватить и явный, и скрытый смысл; явный смысл вкладывается в него разумом и отношением автора, а скрытый смысл исходит от устоявшихся условностей, которые определяют то, как автор создавал текст» [2, с. 118].

Также важно иметь в виду мотивы и намерения автора: «чтобы узнать интенции необходимо знать такие факты как шутил ли автор, был ли серьезным или ироничным – в общем, какой речевой акт он осуществлял в том, что написал; чтобы узнать мотивы, необходимо знать, что побудило эти отдельные речевые акты, отдельно от их характера и статуса правдивости как высказывания» [8, р. 96]. Объектом исследования, таким образом, является не столько авторский текст, сколько преобладающие конвенции, регулирующие обращение с вопросами и темами, с которыми текст обеспокоен [8, р. 101-102]. Скиннер обосновывает свой подход тем, что любой акт коммуникации всегда будет включать часть установленного положения по отношению к существующему разговору, и чтобы понять, что было сказано, мы должны установить, какое именно положение было включено [8, р. 86].

Подход Кембриджской школы особенно важен для настоящего исследования не только в силу неоспоримых достижений в области интеллектуальной истории Нового Времени и Ренессанса, но и как своего рода цензор по отношению к другим подходам. Так, Скиннер справедливо критикует методологию идей-единиц Лавджоя за потерю контакта идей с агентом, совершающим высказывание [8, р. 85], и в том числе Штрауса за необоснованный тезис о наличии у основных философов когерентной и герметично закрытой системы, которую эти философы не построили или даже не стремились ее построить [8, р. 68]. Применительно к Гоббсу это означает возможность исправить некоторые исторические неточности в изложении и понимании его учения. Однако наибольшую ценность у конвенционалистов для нас представляет анализ интеллектуального климата современников Гоббса, и их реакция на его труды.

В соответствии с описанными выше подходами, можно прийти к выводу, что их можно совместить, разграничив вопросы, на которые они должны отвечать. По сути, перед исследователем стоит два вопроса, первый носит исторический характер, а второй философский. Первый звучит так: как возможно наиболее точно проинтерпретировать текст по отношению к тому смыслу, который в него вкладывал автор и его современники? Второй вопрос заключается в том, какие идеи мы можем извлечь из текста и зачем? Применительно к философии Т. Гоббса, данная постановка вопроса означает необходимость изучения как исторического контекста появления учения о Левиафане, так и изучения внутренней логики философской системы мыслителя в особенности взаимоотношение политической философии и натурфилософии.

Литература

1. Бёдекер Х.Э. Отражение исторической семантики в исторической культурологии / История понятий, история дискурса, история менталитета. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 5 – 21.
2. Бивир М. Роль контекстов в понимании и объяснении / История понятий, история дискурса, история менталитета. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 155 с.
3. Гуторов В.А. Современный либерализм и политическая философия (дилеммы позиции Джона Ролза) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. 2012. Вып. 3. С. 47 – 57.
4. Лавджой А. Великая Цепь Бытия. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 368 с.
5. Pocock J.G.A. Political Thought and History. Essays in theory on method. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 279 p.
6. Richter M. The history of political and social concepts. A critical introduction. - Oxford: Oxford University Press, 1995. 204 p.
7. Skinner Q. The foundations of modern political thought. Vol.1 The Renaissance. - Cambridge: Cambridge University Press, 1978. 306 p.

8. Skinner Q. Visions of Politics. Vol. 1: Regarding method. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 227 p.
9. Strauss L. On a forgotten kind of writing // Chicago Review, Vol. 8, No. 1 (Winter - Spring, 1954). P. 64 – 75.
10. Strauss L. Persecution and the art of writing. Chicago: The University of Chicago Press, 1988. 205 p.

Tsanava Bachuki Zurabievich, Postgraduate, Saint-Petersburg State University (7-9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation). E-mail: tsanava.bach@gmail.com

MODERN APPROACHES TO THE INTERPRETATION OF THOMAS HOBBS'S PHILOSOPHY

Abstract

The article examines the modern approaches of philosophical texts interpretation and especially interpretation of Thomas Hobbes's philosophy. The Author highlights two key approaches of philosophical texts interpretation: logic-philosophical and history-linguistic. The former encompasses the methodologies which undertake a logical reconstruction of doctrines through unit-idea methodology of A. Lovejoy or reading of classical texts in a way of L. Strauss suggests finding a hidden doctrine. History-linguistic approach encompasses methodologies which are emerged during «linguistic turn»: within these approaches were undertaken the reconstruction of meanings through the context or conceptual history. Hobbes's philosophy was the object of studies for many methodologies of these two approaches for former as well as for latest. Author concludes that contemporary interpretation of Hobbes's texts should be based in integral methodology which will unite the two approaches.

Keywords: Thomas Hobbes, doctrine of Leviathan, history of ideas, intellectual history, conceptual history, political philosophy, interpretation of texts, political doctrine, political science.

References

1. Bedeker Kh.E. Otrazhenie istoricheskoy semantiki v istoricheskoy kul'turologii / Istoriya ponyatiy, istoriya diskursa, istoriya mentaliteta. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. P. 5 – 21.
2. Bivir M. Rol' kontekstov v ponimanii i ob'yasnenii / Istoriya ponyatiy, istoriya diskursa, istoriya mentaliteta. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. 155 p.
3. Gutorov V.A. Sovremennyy liberalizm i politicheskaya filosofiya (dilemmy pozitsii Dzhona Rolza) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. 2012. Vyp. 3. P. 47 – 57.
4. Lavdzhoy A. Velikaya Tsep' Bytiya. M.: Dom intellektual'noy knigi, 2001. 368 p.
5. Pocock J.G.A. Political Thought and History. Essays in theory on method. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 279 p.
6. Richter M. The history of political and social concepts. A critical introduction. - Oxford: Oxford University Press, 1995. 204 p.
7. Skinner Q. The foundations of modern political thought. Vol.1 The Renaissance. - Cambridge: Cambridge University Press, 1978. 306 p.
8. Skinner Q. Visions of Politics. Vol. 1: Regarding method. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 227 p.
9. Strauss L. On a forgotten kind of writing // Chicago Review, Vol. 8, No. 1 (Winter - Spring, 1954). P. 64 – 75.
10. Strauss L. Persecution and the art of writing. Chicago: The University of Chicago Press, 1988. 205 p.